

Татьяна Лихачевская

Ужин после премьеры

12+

Татьяна Лихачевская  
**Ужин после премьеры**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

## **Лихачевская Т. В.**

Ужин после премьеры / Т. В. Лихачевская — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Действие повествования происходит в середине 90-х годов 20-го века. После долгого отсутствия в свой родной город с очередным эпатажным фильмом приезжает успешный кинорежиссёр Валентин Вишеров. Главная его цель – получить доступ к семейному архиву своих двух репрессированных дедов для создания сериала о годах сталинского террора. Поглощённый своим амбициозным замыслом, Валентин абсолютно не способен вникнуть в сложные перипетии жизни отца, в его глубокие переживания. Отец Валентина, Владимир Алексеевич, главный герой рассказа, не может пережить холодного равнодушия сына.

© Лихачевская Т. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

## Памяти отца

О приезде сына Владимир Алексеевич узнал из афиши на дверях Дома Кино. Размашисто написанная синим фломастером, она извещала о премьере фильма Валентина Вишера «Пьеса для короля». Уехав учиться в Москву, сын никогда не писал родителям, которые уже давно были в разводе. И только время от времени звонил: чаще матери, иногда – отцу (обычно после получения очередного перевода). Первые студенческие годы он ещё дарил их своим присутствием в летние каникулы, на старших же курсах – всё лето проводил в экспедициях. И мелькал дома разве что проездом из Сибири или Средней Азии. Потом работа на разных студиях страны ещё дальше увела его от родного города. А вскоре поднялся «железный занавес», и Валентин вместе с другими «полковниками» – так с лёгкой руки поляков называли режиссёров, чьи фильмы по многу лет пылились на полках, не допущенные цензурой на экран, закрылся по зарубежью. Правда, его дипломный фильм «Чёрный ветер» – по поэме Блока «Двенадцать» – протомился в заточении всего два года, но скандал вокруг него в своё время был приличным: фильм хотели смыть, а то, что Валентин, спасая своего первенца, попросту выкрал картину, подменив её негативом, придавало всей истории детективный аромат, прельстивший бойких журналистов, которые принялись всюду раздувать его популярность.

За те годы, что сын был вдали от них, бывшие супруги постоянно перезваниваясь, снова сблизились. Владимир Алексеевич стал даже иногда бывать в доме своей бывшей жены, каждый раз приятно беседуя с её теперешним супругом. Человек незаурядный и хорошо образованный, Виталий Иванович не один десяток лет возглавлял кафедру научного атеизма. Теперь же, когда последнее слово вообще изгнали, шикарный Дом атеизма прикрыли, а кафедру окрестили трудно произносимым с непривычки именем религиоведения, он пробовал себя в чтении публичных лекций о религиозных основах нравственности. Даже в первые годы после ухода Елены, в самые тяжёлые свои годы, задолго до встречи с Верой Николаевной, Владимир Алексеевич не испытывал к нему неприязненного чувства. Нет, это Елена сочла пятидесятилетнего профессора-вдовца более подходящим мужем, чем он, неудавшийся тележурналист, с треском уволенный с работы и вынужденный снова приняться за переводческую подёнщину.

Вернувшись при первых проблесках Гласности на телевидение, то самое телевидение, что некогда отрунуло его, Владимир Алексеевич с горечью об ушедших годах думал, что почти всю жизнь занимался не своим делом. Но в юности путь в журналистику ему закрывал репрессированный отец. Пришлось смириться тогда с Институтом иностранных языков. Там он и встретил Елену и безоглядно влюбился в эту смуглую, тоненькую девушку с ясными серыми глазами. Репатриантка из Китая, в конце сороковых она с отцом приехала на Родину. Отец, фоторепортёр, был незамедлительно обвинён в шпионаже: хорошее владение английским и японским в дополнение к богатой коллекции фотоаппаратуры делало обвинение неопровержимым. В первую же зиму в лагере он умер. Елена в 18 лет осталась одна по сути в чужой стране. Чтобы снимать угол и как-то существовать она работала в фотоателье, а вечерами стала вести разговорные группы английского. Но преподавание ей запретили – нужен был диплом...

Институт они закончили одновременно, уже будучи женатыми. Елену оставили на кафедре, а Владимир Алексеевич начал осваиваться в Бюро технических переводов. На дворе между тем наступали, как многим тогда показалось, новые времена. В стандартной бумажке, которую получил отец, значилось, что его «дело производством... прекращено за отсутствием состава преступления». Отцу выдали партбилет с датой вступления 1919, а Владимир Алексеевич попал в число сотрудников только что организованной в городе телестудии.

Уволили его за «очернительство», «клевету» и «протаскивание чуждых настроений»... Перед ним сразу же закрылись двери местных редакций, в издательстве рассыпали готовую книгу очерков.

– Вот и будешь всю жизнь чахнуть за гроши над переводами, – сказала Елена.

После развода родителей Валентин всё больше отдалялся от отца. Неожиданным было для Владимира Алексеевича поступление сына на исторический факультет, откуда он вскоре ушёл. Покрутился в ассистентах на местной Киностудии. Тут подоспел срок призыва в Армию. Отслужив, Валентин подал документы во ВГИК и, ко всеобщему удивлению, с первого раза прошёл на режиссёрский факультет.

– Что это за профессия – кинорежиссёр?! – отчаивалась Елена. – Я понимаю, – оператор: фотография – надёжное ремесло. На худой конец можно ездить по деревням и снимать свадьбы и похороны...

Её не обрадовали даже успехи на фестивалях.

– Сейчас этих фестивалей, как грибов после дождя: так что призов хватает всем!

Фильмы сына она смотрела только из чувства долга. Владимир же Алексеевич каждый из них знал до последнего кадра. Но только первый – знаменитый «Чёрный ветер» казался ему удачным. Дальше пошли картины «по мотивам»: замысловатые визуальные импровизации на литературные темы. Критики, верно, из «своих», вытягивали из Валиных фильмов пресловутые Большие Идеи, которых Владимир Алексеевич при всём желании там не находил... Он написал сыну письмо, тот не ответил, что было впрочем неудивительно при его нелюбви к переписке. Болезненное задевало другое – Валентин ни разу нисловом не обмолвился о возвращении отца на телевидение. Напрасны были искренние попытки Веры Николаевны оправдать Валю: не знать документальных лент отца сын не мог – их не однажды прокатывали по ЦТ. Что это: неприятие или... безразличие? Во время редких и коротких телефонных разговоров об этом не спросишь. И оставалось только надежда на то, что судьба когда-нибудь пошлёт встречу с сыном...

В день премьеры Владимир Алексеевич проснулся с головной болью. В общем-то, обычное его состояние в пору весеннего таяния. Он никогда не любил это время с его ослепительным солнцем, слезящимися сосульками, разливами талой воды, с его тяжёлой влажной духотой. Накануне похолодало. Пошёл сухой снег, и Владимир Алексеевич возвращался вечером, скользя по тонкому льду, схватившему дневные лужи. Казалось, на какое-то время вернулась зима. А с утра – закапало, зазвенело, потекло...

– «Когда-нибудь помру в ростепель», – думал Владимир Алексеевич, глотая таблетки, чтобы заглушить боль в затылке.

Облившись холодной водой, он таки очухался, наскоро позавтракал и сел править сценарий. Мысли его, однако, были совсем о другом. Накануне от Елены он узнал, что Валя уже прилетел и успел забежать к ней: рылся в старых фотографиях и бумагах, которые остались от погибшего деда-репортёра.

– Наш сын – сказала Елена – как ревизор... остановился в гостинице. Ну, их там целая компания... А после премьеры, он собирается к тебе. Слушай, его нужно как следует накормить. Утром кашу ему обязательно свари, лучше рисовую. С этими разъездами он жутко похудел! Кстати, еда-то у тебя есть?

Тут уж Владимир Алексеевич расхвастался, перечисляя, что загодя припас к приезду сына: заливной карп, куриные котлеты, красная икра и на десерт – всякие любимые сыном сладости.

– Вот и отлично! А завтра к обеду придёте к нам... Три года Валька дома не был... и снова – только проездом... только между делом...

– «Только между делом», – повторил про себя Владимир Алексеевич. Он с большим трудом вникал в содержание лежащей перед ним рукописи и всё время прислушивался: впервые за много лет он работал, не выключив телефон, и когда аппарат, наконец, зазвонил, бросился к нему и с нетерпением схватил трубку.

– Добрый день, – произнёс лёгкий женский голос.

Как ещё удалось не выдать разочарования! Сейчас же, одним духом Владимир Алексеевич выложил Вере все свои новости, чтобы разговор, не дай Бог, не затянулся: может, как раз в этот самый момент Валентин тщетно пытается пробиться к нему! Короткие гудки отбоя вызвали чувство облегчения и одновременно вины, всегдашней вины перед Верой. Это по его милости за долгие годы связи у них так и не дошло до брака. Пригрози она всерьёз разрывом, Владимир Алексеевич в ту же минуту надел бы на себя ошейник и подал бы ей поводок. Но Вере, видно, было невдомёк, насколько она стала ему необходима, он же, хитрец, успешно скрывал это, продолжая снимать пенки и холостой, и женатой жизни... И сегодня – ни тени обиды, что ему не до неё, наоборот, она очень рада, что Валя после премьеры придёт к отцу, и пусть он, Володя, звонит, если что-нибудь понадобится с этими его семейными заботами...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.